

А. А. Юнаковская
Омск, Россия

A. A. Yunakovskaja
Omsk, Russia

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЖАНРА
«ПИСЬМЕННОЕ ПРОШЕНИЕ»
(НА МАТЕРИАЛЕ СИБИРСКИХ АРХИВОВ)**

**THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE GENRE «WRITTEN REQUEST»
(ON THE MATERIAL OF THE SIBERIAN
ARCHIVES)**

***Аннотация.** В статье рассматривается история прошения в русском делопроизводстве как жанра. Для иллюстрации их состава XVIII – начала XX в. используются документы сибирских архивов.*

Анализ просительных документов показал, что они ориентированы на диалог между адресантом (нижестоящим) и адресатом (вышестоящими лицами), что отражает характер отношений власти и подчиненных и их языковую форму.

Первоначально рассматриваемые документы имеют менее стандартизированную форму, включают локальные показатели разных уровней.

Прошения начала XX в. уже являются стандартизированными образованиями, имеющими общерусскую форму.

Прошения разных периодов образуют сектор делопроизводства, отражающего непрерывность коммуникативной деятельности.

***Ключевые слова:** просительные документы, челобитная, промемория, прошения.*

***Abstract.** In the article is devoted the history of petition in Russian office management as a genre. For illustration of their composition in XVIII – the beginning of the XX centuries use the documents of the Siberian archives.*

Analysis of the pleading documents showed that they are focused on the dialogue between the addressee (downstream) and the recipient (parent entities), which reflects the nature of the relationship authorities and subordinates and their linguistic form. Initially, the documents in question are less standardized, include local indicators of different levels. Initially, the instruments are less standardized, include local indicators at different levels.

The petitions of the early twentieth century. are already standardized entities with an all-Russian form. The petitions of the from different periods form office sector, reflecting the continuity communicative activity.

***Key words:** requestings documents, the petitions, promemoria.*

***Сведения об авторе:** Юнаковская Алла Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания.*

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

***Контактная информация:** г. Омск, ул. Блюхера, д. 8, кв.85.*

E-mail: a.yunakovskaja@mail.ru

***About the author:** Yunakovskaja Alla Anatolevna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of Historical Linguistics.*

Place of employment: Omsk State University

Вопрос о процессе формирования русского делопроизводства с исторической точки зрения не является актуальным в современной научной литературе, в том числе изучение делового языка в аспекте образования репертуара жанров и их дальнейшего развития. Его часть составляют просительные документы (термин С. В. Русановой), которые требуют теоретического осмысления и практического исследования прежде всего как типовых моделей построения речевого целого. Данный подход позволяет проследить этапы их создания.

Для этого на первом этапе необходимо решить вопрос о достоверности архивного материала, который может относиться к 1) документальному типу (точно передающему свершившийся факт) либо 2) интерпретированному типу (излагающему события субъективно, сокращенно и т.д.). Однако данная классификация не является исчер-

пывающей, так как ряд источников совмещает признаки обоих типов.

Следует также определить такие понятия, как «**исторический текст**» и «**лингвистический источник**». Первый отражает языковыми средствами историческую картину и ее составляющие. Под вторым понимается единица опосредованного запечатления (закрепления) «языкового материала в виде слов или их элементов, обладающего определенным внутренним единством...» [1: 7]. При этом каждый архивный источник входит в систему документов, которая отражает эпохальное коммуникативное поле, включающее общерусские черты и региональные особенности.

В дальнейшем для рассмотрения исторического документа важным является понимание архивной единицы как лингвистического источника с точки зрения текстового устройства. При данном подходе необходи-

мо учитывать, что архивная единица может состоять как из одного документа, имеющего несколько зон, так и из нескольких документов, каждый из которых создан по определенным правилам. Поэтому в первом случае речь идет о **тексте**, во втором случае допустимо введение понятия «**текстовый фрагмент**».

Архивные документы также отражают «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе» [2 : 412].

Одним из подходов рассмотрения такого действия является «тематическое» исследование архивных источников. Так, работа с документами позволила выделить корпус источников, отражающих письменное взаимодействие власти и подчиненных, организованных согласно эпохальным правилам речевого поведения. Часть из них составляют прошения конкретных лиц или группы лиц к представителям власти различных уровней. Это «форма, которая исполняется содержанием диалогических отношений» [3 : 281], так как предполагает ответ-решение на подаваемую просьбу. Причем их основу составляют событийные данные, обрабатываемые профессиональными составителями деловых бумаг.

Подобные отношения отражают «просительные» документы. Наиболее распространенным среди них в русском делопроизводстве является **челобитная (челобитня, челобитье)**. Данный термин появился в последней четверти XVI в., заменив **жалобницу**, имевшую более узкое значение («акт, содержащий жалобу» [4 : 11]), а также **слезницу** (письмо со слезной просьбой, жалобой [5 : 648]). При этом какие-либо другие разновидности прошений неизвестны.

Появление новой разновидности вызвано изменением отношений внутри общества: от «домашних» между князем и его членами «княжеского дома» до «официально-иерархических» между царем и его подчиненными [6, 7].

В XVII в. данный документ приобрел несколько видов: это **исковая, явочная, изветная, повинная, мировая, отсрочная, ставочная, собственно челобитная** и др. Неподписанные челобитные назывались **подметными письмами**. В научной литературе отмечается, что составлялись они по определенной форме, являющейся практически единой по всей стране. Структура документа состоит из трех частей: **начальной клаузулы, основной части и конечной клаузулы**. (Под **клаузулой** понимается устойчивый, трафаретный отрезок текста). С

челобитной обращались как отдельные лица, так и социальная группа, т.е. адресант был «единичный» и «массовый».

Верх листа именовался **головой**, а площадь под текстом – **исподом**. Тексты лицевой и оборотной сторон имели четкие различия. В начале первой указывался царский титул («титла царская малая»), далее представлялся автор челобитья, перечислялись заслуги челобитчика. В заголовочной части челобитья формула «*бьет (бьют) челом*» (или *бьет челом и извещает, бьет челом и являет*) всегда располагалась между адресатом и сведениями о челобитчике. Отражение информации о событиях не имело четкого образца, а содержание просьбы писалось согласно принятым в делопроизводстве рекомендациям. На оборотной стороне представлялись те или иные пометы.

В дальнейшем в XVIII в. часть структуры челобитных по сравнению с предшествующим периодом подвергается модификации. Так, 1) меняется начальная формула, отражающая обращение к монарху (в случае написания челобитных на высочайшее имя): *Всепресветлейшему державнейшему гсдру императору и самодержцу Всероссийскому гсдру всемлстивейшему*; 2) вместо слова *сирота*, которое употреблялось в целях самоуничижения адресанта, стало использоваться слово *нижайший* или словосочетание *нижайший раб твой*. Очень важным является тот факт, что челобитные XVIII в. всегда подписывались [8].

В их структуре сохраняются 1) представление о собственных социальных характеристиках; 2) изложение обстоятельств дела и самой просьбы, которое производится по пунктам: (а) казусная часть с перечислением признаков правонарушений, (б) просительная часть с указанием на желательные действия. Переход от начальной формулы (начального протокола) к основной части осуществляется при помощи конструкции (*а в чем мое прошение, тому следуют пункты*).

Наряду с челобитными в XVIII в. появляются новые виды просительных документов – (**всепокорнейшее доношение** частного лица, **объявление, (покорнейшее) прошение, просьба, промемория/промемория**, которые имеют как общие, так и специфические признаки для каждой разновидности.

В данных документах отражены адресат (представители местных властей) и обращающийся/говорящий, исполняющий конкретные социальные роли и функции. Их иллокутивная цель проявляется в назначении документов, типе обращения, используемых языковых средствах (в топм числе иллокутивных и перформативных глаголов,

лексических единиц, синтаксических конструкций).

Из перечисленных просительных документов одним из подтипов является **промемория/премемория** (от лат. *pro memoria* 'для памяти') – официальная бумага, докладная или памятная записка, просьба, прошение, подаваемая одним юридическим лицом другому, имеющая предшествующую историю, что составляет ее специфику. Данный документ, возникнув в конце XVII в., получил широкое распространение в XVIII в. и вышел из употребления к началу XIX в., что позволяет относить его к «краткосрочному» подтипу.

Промемория, доношение, прошение являются **текстовым фрагментом**, образующим наряду с опросами, рассказами свидетелей, различными опросами по делу, реестрами имущества, царским указом и т.п. единый документ.

Можно привести пример просительного фрагмента как части общего.

Великому Господину Преосвященному Антонию митрополиту Тобольскому и Сибирскому

Бьет челом Тобольского посацкого Ивана Григорьева сына Соболева жена Федосья Иванова на оного мужа своего Соболева, а в чем мое прошение о том значатся следующие пункты.

1.

В прошлых годах назад тому четвертой год вышла я нижайшая заоного Соболева вторым браком женившиася вдовою замужество ...

2.

Онний муж Соболев сначала бытия моего за ним замужете пьет всегда безобразно и в том пьянстве... Иногда бывает временем трезвой. Бьет меня нижайшую без всякой моей вины безчеловечными побой напрасно каковыя претерпевала чрез вечную силу ...

3.

Сего марта 5 числа ввечеру, означенной муж мой Соболев бывши подхмелями бил меня нижайшую безвинно палкою и топтал ногами и искусал всю зубами ... и более претерпевать таковых побой воного мужа моего ... немочно ...

4.

... О том ведают : ставшия на квартире солдаты Иван Никифоров с товарищи. Всего четыре человека. В том числе один урядник ...

5.

...Ктому же все мое платье приданое пропивает ...

Того ради Преосвященству Вашему слезно и всепокорнейше прошу дать соблаговолено ... вышепереченного мужа моего Соболева ... сыскать и противу моего прошения допросить и о всегдашних безчеловечных его побоях ... и о том учинить ... разсмотрительную резолюцию 1744 год марта 9.

Ивановой ее прошение к консистории копист Савва Трофимов руку приложил». (ГУ «ГА в г.Тобольске» Ф. 156. Д. 251. Л. 1-1 об.).

Данный документ состоит из нескольких частей. Это: 1) обращение к духовному лицу (к кому *челом бьют*); 2) информация о просителе, размер которой зависел от положения в социальной иерархии (кто *бьет челом*); 3) суть просьбы; 4) заключительная формула (*руку приложил*); личная подпись. Переход от начального протокола к основной части осуществляется при помощи определенной конструкции (*а в чем мое прошение о том значатся следующие пункты*). Затем отражаются оцениваемые читающим события, которые формируют специфическую часть документа.

Местный судья (читающий первой инстанции) рассматривал события, вызывающие конфликт (муж объяснил, что бьет «за прекословье, за бранье, за домашнее ослушание»). В «Заключительном царском указе» по делу, представляющем читающего второй (окончательной) инстанции, поведение посадского Соболева названо «непотребством» (избиение подтвердили свидетели), а Федосье «повелено жить с ним, ...жители в законном браке... по жизни своей»: представлено частное исполнительное решение по конкретному делу. В данном случае отражена двухступенчатая система рассмотрения вопроса и вынесения решения, а также двухуровневый адресат. Несмотря на «отрицательное» решение для обращающейся с просьбой, можно говорить о том, что диалог на официальной основе состоялся.

Со 2-й половины XVIII в. в делопроизводстве закрепляется название «**прошение**». Данный документ адресовался первому лицу, в местные органы (земской суд, городской магистрат и т.п.) с просьбой о решении личных или мелких общественных дел. Он представлен в архивах в нескольких видах: как а) часть общего дела с делением на пункты (*о чем следующий пункт*); б) часть общего дела без деления на пункты; в) единый текст (самостоятельный документ с перечнем всех лиц, обращающихся с просьбой, с указанием положения в социальной иерархии в конце документа).

В 1786 году 19 февраля выходит «Указ ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА... самодержицы Всероссийской, из Правительствующего Сената ... Об отмене употребления слов и речений в прошениях на высочайшее имя и в присутственные места подаваемых челобитен». В нем говорится о том, что «...от ныне впредь вместо подаваемых... **челобитень** ... писать **жалобницы** или **прошения**, в коих после титула ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА вместо **бьет челом** ставить **приносил жалобу**, или **просит имя рекъ**... в

присылаемых же ... письмах и реляциях или донесениях по окончании оных вместо всеподданнейшего раба подписывать просто **всеподданнейший или верный подданный**...». В данном случае можно говорить о возврате термина **жалобница**, связанного с демонстрацией политики об отеческой заботе о подчиненных (в том числе и служилых). Однако исследователи сибирских архивов отмечают, что данное название документа встречается крайне редко.

В дальнейшем продолжается работа по регламентации делопроизводства. Так, начиная с XVIII в., появляются сборники образцов документов – письмовники, цель которых – дать полное руководство о порядке производства дел в присутственных местах с описанием «обряда делопроизводства» и приложением форм документов. (Вышло более 100 сборников до 1917 г.) В начале XIX в. М. М. Сперанским была осуществлена реформа ведения дел. В 1832, 1842, 1857 гг. и последующие годы издаются своды законов, регулирующие делопроизводство. В результате сформировалась общероссийская система составления и обращения документов.

Важную роль в делопроизводстве сыграло появление пишущих машинок: сократился объем дел, время создание текстов, появилась возможность для создания копий документов и т.п. Можно привести пример печатного оформления документа начала XX в.

*В Омскую Духовную Консисторию
крестьянки Самарской губернии
Ново-Изюмского уезда, Куриловской
волости, живущей в г.Омске по
Екатерининской улице дом 45
по Делу*

*с мужем моим крестьянином Самарской
губернии Федором Минаевым, живущем
на Атаманском хуторе Телятниковская
дом № 6-81 Халаимова*

Прошение.

Въ 1908 году я вышла замужъ за Федора Афанасьева, но между мужем и мной пошли нелады, и я стала замечать, что муж мой живет с другой женщиной. Мои подозрения оправдались: мужь мой сошелся съ девицей Наталией Ивановной Кручениць. И вотъ уже восьмой годъ, какъ проживааетъ с ней совместно жизнью. О нарушении супружеской верности моимъ мужемъ могутъ подтвердить свидетели: Елизавета Васильевна Филипцова, жит. в городе Омске Вокзальная ул. Дом № 179, Иван Петрович Симбирский и жена его Анна Федотьевна жит. в г.Омске Вокзальная ул. д.№ 179, – а также прошу вызвать в присутствии консистории кроме упомянутых свидетелей и прикосновенную к делу Наталью Кручениць жит. на Атаманском хуторе Телятниковская дом № 81/6 Халаимо-

ва, от увещания я отказываюсь, а также прошу допросить свидетелей без моего присутствия.

При сем прилагаю метрику о браке, справки адресного стола о месте жительства моего мужа и его сожительницы Кручениць.

*9 августа 1917 г. Анна Афанасьева (ГИАОО.
Ф. 16. Д. 224. Л. 1).*

Хранящиеся в архивах подобные прошения состоят из нескольких частей: 1) обращение к духовному ведомству; 2) социальная информация о просителе (с упором на законнорожденность и занимаемое положение); 3) суть прошения (повествовательная и просительные части); 4) число и личные данные о просителе (имя и фамилия). В ряде аналогичных документов делается пометка о неграмотности подающего просительную бумагу. Прощение наряду с выпиской из Омской духовной консистории, обыском брачного, метрикой о браке, показаниями свидетелей и т.п. образует единый документ.

В начале XX в. прошения имеют форму, отличную от предшествующих периодов. Это: 1) адресатом является не конкретный представитель власти, а учреждение; 2) данные, включающие указание места рождения, адрес проживания просителя, располагаются в правом верхнем углу; 3) в деле отражаются адреса проживания участников конфликта и свидетелей; 4) не указывается составитель документа; 5) личные данные просителя располагаются в конце документа.

Для данного документа характерны: 1) точность изложения информации, которая не допускает различных толкований; 2) использование определенных клише при передаче информации и языковых единиц, отражающих функционально-стилистическую направленность: а) разные слои юридической терминологии (*свидетели, метрика о браке, присутствие консистории* и т.п.); б) книжные слова, имеющие юридическую «окраску» (*нарушение супружеской верности, сойтись съ девицей, сожительница, прикосновенная к делу, увещания* и т.п.); в) глаголы с семантикой долженствования / необходимости (*прошу вызвать, прошу допросить* и т.п.). Однако при составлении прошений, несмотря на его устоявшуюся форму, проявляются навыки и способности чиновника как языковой личности, отражающей ту или иную ситуацию. Это подтверждается анализом хранящихся в архивах документов.

Несмотря на тот факт, что после событий 1917 г. возникает делопроизводство на принципиально новых основах, работа с архивными документами показала, что существует определенная преемственность в использо-

вании просительных документов. Так, **челобитная** является предшественницей современных **заявлений** (в том числе **исковых**), **жалоб**, **писем-просьб**, **ходатайств**, **обращений** к руководителям разных уровней и т.п.

Итак, рассмотрение сибирских архивных источников позволяет проследить тенденцию развития просительных документов: от существования в нескольких подвидах до единой стандартизированной формы.

Первоначально особенностью подобных обращений к представителям власти является совмещение речи обиженного (первичного высказывания о рассматриваемых в ней событиях), «облагораживаемой» мелким подьячим, и канцелярской формы, имеющей определенную организацию с возможностью вариативности при изложении сути конкретного дела. В результате в документе наблюдается совмещение различных лексических групп: это а) книжные слова и обороты, б) разные слои юридической терминологии, в) слова и словосочетания обиходно-разговорной речи, г) локализмы.

К началу XX в. прошение как частноделовой жанр приобретает типовую модель построения с набором жанрово-стилистических средств, фондом единиц терминологического характера, исключающим использование локализмов. Тем не менее не исключается влияние канцеляриста при создании документа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М. : Наука, 1964. 312 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.
4. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 164 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1983. 816 с.
6. Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи : в 2 ч. Ч. II. Филологический метод анализа документов. М. : Изд-во МГУ, 1988. 120 с.
7. Русанова С. В. Челобитная в кругу региональных документов XVIII века // История регионального текста : жанр – стиль – язык / под ред. Т. П. Рогожниковой. Омск : Вариант-Омск, 2012. С. 56–73.
8. Копосов Л. Ф. Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности: учеб.

пособие к спецкурсу. М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1991. 83 с.

ИСТОЧНИКИ

ГУ «ГА в г. Тобольске» – ГУ «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 156. Д. 251. Оп. 1. «Дело о несогласном житье жены посадского Соболева со своим мужем» (1747 г., 45 л.).

ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области. Ф. 16. Д. 224. «Дело о расторжении брака Анны Ивановны Афанасьевой с мужем Федором Минаевым по его прелюбодеянию» (1917 г., 25 л.).

REFERENCES

1. Kotkov S. I., Pankratova N. P. *Istochniki po istorii russkogo narodno-razgovornogo jazyka XVII – nachala XVIII veka* [Sources on the history of the Russian people's spoken language of the 17th – early 18th century]. Moscow, 1964. 312 p.
2. *Lingvisticheskiy jenciklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedia]. Moscow, 1990. 685 p.
3. Bakhtin M. M. *Aestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. 423 p.
4. Volkov S. S. *Leksika russkih chelobitnyh XVII veka. Formuljar, tradicionnyye aetiketnye i stilevyje sredstva* [Vocabulary of Russian petitions of the 17th century. Form, traditional etiquette and style means]. Leningrad, 1974. 164 p.
5. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language. Ed. by N. U. Shvedova]. Moscow, 1983. 816 p.
6. Kachalkin A. N. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoj jepohi: v 2 ch. Chast' II. Filologicheskij metod analiza dokumentov* [Genres of Russian document of the pre-Petrine era: in 2 pt. Pt. II. Philological analysis of documents]. Moscow, 1988. 120 p.
7. Rusanova S. V. *Chelobitnaja v krugu regional'nyh dokumentov XVIII veka* [Petition with your regional instruments of the 18th century]. *Istorija regional'nogo teksta: zhanr – stil' – jazyk* [Regional text: genre – style – language. Ed. by T. P. Rogozhnikova]. Omsk, 2012, pp. 56–73.
8. Kopusov L. F. *Izuchenie istorii russkogo jazyka po pamjatnikam delovoj pis'mennosti: Uchebnoe posobie k speckursu* [History of the Russian language on the monuments of business writing]. Moscow, 1991. 83 p.

SOURCES

SE «SA in Tobolsk» – «The State archive in Tobolsk». F. 156. C. 251. «The thing about dissentient life wife Posad Soboleva with her husband» (1747, 45 sh.).

SHAOR – «The State historical archive of the Omsk region». F.16. C. 224. «Divorce proceedings Anna Ivanovna Afanasyeva and her husband, Fyodor Minayev in his adultery» (1917, 25 sh.)

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике